

ДЭНИЕЛ АБРАХАМ

КЛИНОК
МЕЧТЫ

FAN|ZON

МОСКВА

КИТАМАР

Время пепла

Клинок мечты

Judge of Worlds

DANIEL ABRAHAM

BLADE
OF DREAM

ДЭНИЕЛ АБРАХАМ

КЛИНОК
МЕЧТЫ

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
А16

Daniel Abraham
BLADE OF DREAM
Copyright © 2023 by Daniel Abraham
Cover illustration by Daniel Dociu

Перевод с английского *Н. Иванова*

Дизайн *Елены Куликовой*

Карта *7Narwen*

Абрахам, Дэниел.

А16 Клинок мечты / Дэниел Абрахам ; [перевод с английского Н. Иванова]. — Москва : Эксмо, 2025. — 432 с.

ISBN 978-5-04-206706-8

Улочки Китамара по-прежнему хранят свои тайны, а многочисленные храмы чувствуют разных богов. Богов, что многие столетия ведут непримиримую борьбу за существование.

Сыну торговцев Гаррету Лефту вот-вот предстоит важное событие — женитьба. Юноша должен исполнить волю семьи, но все идет не по плану. Однажды он встречает незнакомку, которая пленяет его сердце. Кто она и почему считает, что в ее жизни Гаррету нет места? Кто нападает на влюбленных и зачем им убивать девушку? Смогут ли герои понять, что такое «нить Китамара» и как ее оборвать, пока не стало слишком поздно?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-206706-8

© Иванов Н., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Пролог

В течение единственной жизни человек способен побывать много кем: умильным мальцом в вышитой распашонке, уличным задирой при шпане с ножичками, любовником красивой девушки, мужем достойной женщины, заботливым родителем, мешальщиком на пивоварне, вдовцом, музыкантом и хворым попрошайкой, что выкашливает легкие за городской стеной. У этих личностей между собой нет ничего общего, кроме одного: все это один и тот же человек.

На свете бывают тайны, а в тайнах присутствует своя красота. И Китамар в этом смысле — город красивый.

Едва ль не на каждой улице Китамар предъявляет прохожим следы и останки тех городов, которыми прежде бывал. Стена, что когда-то оберегала рубеж молодого поселения, нынче стоит опешившим часовым-разиней между благородной Зеленой Горкой и площадью фонтанов у Камнерядья. Громадные бастионы Старых Ворот хмурятся на реку — стрельницы и бойницы стали нишами для фонарей, а народы, что штурмовали и обороняли их, нынче спят рядышком в былых оружейных, потому что там недорого берут за постой. Шестимостный Кахон был прежде границей между великим царством Ханч и диким, полукочевым Инлиском, если послушать одних. Либо же первой преградой на пути явившихся с запада остролицых ханчей, жестоких трусов, если эту историю поведали бы вам на другом берегу. А теперь река, истинное сердце города, и делит его, и объединяет.

Древние племена убивали друг друга, клянясь в вечной ненависти, чтобы потом закопать вражду и притвориться еди-

ным народом, гражданами одного города. Некогда Китамар провозгласил себя подвластным лишь одному истинному богу. Ну, может быть, трем. Или бессчетному их числу. Три сотни лет и более он был вольным городом, гордым и независимым, и правили им местные князья, а не какой-то там чужеземный король.

Однако сегодня князь умер.

Владычество Бирна а Саля было недолгим.

Не прошло и года с тех пор, как улицы переполняли бражники и вино, музыка и веселье, с отнюдь не малой долей безрассудных плотских утех, на празднике в честь венчания этого великого человека на княжество. Тогда от сейчас отделяли бурные месяцы, отмеченные дурными предзнаменованиями и жестокостью. Отделяла зима тревожных снов.

Сегодня, как только первый луч зари касается башен дворца на вершине холма, красные ворота отворяются перед похоронной процессией. Две одетые в лохмотья старухи ступают вперед и бьют в барабаны. Зашоренные вороньи кони шагают за ними, а булыжный камень разносит цокот копыт. Вдоль всего пути их ожидают мужчины, женщины, дети, которые и есть Китамар. Они обожают такие спектакли со смертью, представления, полные скорби. И хотя мало кто говорит об этом вслух, надеются, что время холодной тьмы завершится и начнется что-нибудь новое. Лишь некоторые задают вопросы во всеуслышанье: «Как это произошло? Болезнь ли это, несчастный случай, убийство или божья кара?»

Отчего скончался Бирн а Саль?

Черный лакированный экипаж минует особняки и сады Зеленой Горки. Главы первых семейств стоят у парадных входов, словно готовые пригласить покойного к себе, будто тот вот-вот встанет. Слуги, дети и невоспитанная родня выглядывают из кустов и закоулков. Не почтило похороны лишь Братство Дарис. Тело едет в город, сперва на Камнерядье и далее на юг, по темным от сажи улицам Коптильни.

Кому повезло иметь на этом маршруте дома, те сдают внаем места у окон и даже на крышах. Пока катафалк ползет и трясется по мостовой, люди оттирают друг друга, чтобы взглянуть на покойника: чуть менее шести футов смердящей железом безжизненной плоти, что прежде была человеком. За дрогами следует высшая городская знать. Будущая княгиня Элейна а Саль едет подле отца в черном паланкине. На ней рваное тряпье и вместе с тем серебряная гривна на шее. Подбородок вздернут, лицо безо всякого выражения. Зрочки всего города впиваются в нее, пытаясь по наклону спины или сухости глаз прочесть, кто она — девчонка, едва ли в возрасте женщины, что тонет в отчаянии и безысходности, или душегубка, отцеубийца, что насилу сдерживает ликование.

Так или иначе, с завтрашнего дня править городом ей, и те же самые люди будут отплясывать на ее венчании на престол.

За ней шествуют приближенные старого князя. Мика Эл, придворный историк, в обсыпанной пеплом мантии. Сын старого Карсена, Халев, — наперсник и советник Бирна а Саля. Самаль Кинт, глава дворцовой стражи, несет затупленный меч. За ними другие, все в сером, ладони у всех в золе. Достигнув пределов Коптильни — желтого камня и черной извести, — они останавливаются. Навстречу выходит священник, распевая псалмы и бряцая кадиллом со сладким ладаном. Проводится охранный обряд, дабы река не смыла душу усопшего. Сколь голодны эти воды, известно всем.

Обряд исполнен, похоронная процессия проходит по широким бульварам Притечья, мимо пивных заведений, мимо каналов, где плоскодонки стоят носом в корму, так часто, что на другую сторону канала дева перейдет, не намочив подола. Близится полдень, солнце раннего лета огибает в небе дугу медленнее, чем пару недель назад, а траурный экипаж только сворачивает на северо-восток, выходя на раздел между Речным Портом и Новорядьем. Над дрогами жужжат жирные, с ноготь, мухи, а кони шлепают их хвостами. Там, где появля-

ется похоронное шествие, толпа густеет, испаряясь лишь после прохода свиты. Как только последний воин почетного караула сворачивает за угол, покидая Притечье, трактиры открываются вновь, за чугунными решетками по бокам заведений опять принимаются ставки. Разносчики с бывалым жонглерским умением катят по улице бочонки на ободах.

Процессия достигает Храма почти на закате. Черный Дворцовый Холм рассекает западный горизонт. Светятся разноцветные витражи храмовых окон. Темнота, словно разлитые чернила, прибирает улицы, прежде чем на высоких хорах над жертвенником гаснет последняя песнь, и тело Бирна а Саля, омытое скорбением подданных и молитвами духовенства, выносят на костер. Поджигать пахнущие маслом поленья должно княжне, но та стоит неподвижно, пока молодой Карсен, отцовский друг, не подходит и не принимает из ее рук факел.

Ночь между погребением старого князя и коронованием нового называется «гаутанна». Это древнее инлисское слово означает задержку на пике вдоха, когда легкие наиболее полны воздуха. Буквально переводится как «мгновение пустоты».

На одну ночь Китамар становится городом промеж миров и эпох. Он выпадает из собственной истории, становясь мгновением прошлого и одновременно началом чего-то нового. Скептики среди горожан — а Китамару досталась немалая доля добронравных безбожников — называют это обычаем и басней, в духе родного города, его стремлений и чаяний, его боязни и робости в час перемен. Возможно, они и правы, но улицы будто окутывает нечто мрачное и злое. В шелесте быстрой реки слышатся вроде слова. Скромные китамарские чудеса замирают, как почуявшая кота мышь. Стук подков по камням оглашается совсем не привычным эхом. Городские стражники в синих плащах неспешно наматывают положенные круги — либо приходят к выводу, что не беда, если в эту ночь не намотают их вовсе.

Пролог

Под самым северным из четырех мостов Старых Ворот сидит, слушая бег воды, девушка. У нее круглое лицо, кудрявые волосы, а в кулаке зажат нож. Она ожидает встречи, которой страшится не меньше, чем жаждет.

За городом лежит южный тракт, где при свете дня воловы гурты влачат против течения лодки. Сейчас он тих и безвиден, за исключением одного бородатого мужчины. Он сидит под белой березой, прислонившись спиной к коре. Стеклянная бусина в его руке была бы красной, хватай тут света, чтобы ее разглядеть.

В спальне с худыми стенками, над лавкой портного в Речном Порту, лежит на матрасе молодой человек. Правая рука у него забинтована, под тканью перевязки пульсирует рана. Он смотрит, как над коньками крыш восходит луна, с замиранием сердца прислушивается к шагам по скрипучим полам за дверью.

Зовут его Гаррет Лефт.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
РАЗГАР ЛЕТА

По сути своей Китамар — это сплошные границы. Река отделяет старую ханчийскую крепость от инлисского поселения, завоеванного и поглощенного. Здания на северной стороне иных улиц — уже Камнерядье, тогда как на южной — еще Коптильня. Разделен и каждый квартал: богатые торговые залы Речного Порта, противостоя, высятся друг против друга; в каждом доме есть солнечная стена, за которой нежатся в тепле хозяева, и затененная, где стучит зубами прислуга. Везде разделы, различия, рознь — пока Китамаров не становится столько, сколько и жителей внутри его стен. Что ж, даже сердце разделено на камеры.

*Из «Поучения о Целостности»,
руки Авита Церры, придворного философа
князя Даоса а Саля*

1

По северной стороне забора взбирался плющ. Широкие листья зеленели столь сочно, что при свете фонаря казались почти что черными. Камни источали дневной зной, а ветер навевал то, что в середине лета считалось прохладой. От него пахло рекой.

— Потом вышли еще пятеро, — продолжал дядя Канниша, Марсен, растопырив пальцы. — И вот мы — я, Фриджан Рид и Старый Кабан, а вокруг нас целая дюжина долгогорских бандюг, а другого патруля и не видать, свисти — не свисти.

Маур напряженно подался вперед, точно ребенок, а не взрослый мужчина, проживший уже пару десятков лет. Гаррет прихлебнул еще сидра, стараясь не шевелиться. Канниш, который недавно тоже обзавелся синим плащом городского стражника, хоть сейчас его и снял, сложил руки и откинулся к стене, словно, вступив в стражу, тоже стал участником дядиных историй.

Марсен вытянул руки вдоль спинки лавочки и покачал головой, предаваясь воспоминаниям. С сединой в бороде и на висках, он разменял вторую половину пятого десятка и носил мундир с непринужденностью многолетней привычки. Этот мундир настолько с ним сросся, что снять доломан, короткую куртку, как это делали парни, ему не приходило в голову даже в жару.

— Так и что, вы тогда получили поперек задниц? — спросил Маур.

— Нет, — ответил Марсен. — А могли бы. Запросто. Те, как один, были бойцами Тетки Шипихи, а она падка на кровь,

срань инглисская. Служебные жетоны без разговоров делали нас мишенями. Но мы были в Долгогорье. Вы, ребята, в Долгогорье бывали?

— Только по пути в университет или театр, — отозвался Гаррет.

— Значится, нет. Если идете в Притечье, держитесь реки, чтобы туда попасть. Долгогорье — настоящий лабиринт. По тому, как дома у этих инглисков сгнивают и тут же пристраиваются новые, их улицы сдвигаются от недели к неделе, а новые постройки сооружают их тех же досок, что и старые. Это-то нас и спасло. — Он кивнул. Зная, что будет дальше, кивнул и Канниш. — Один хлыщ держал масляную лампу. Склянку в дерьмовой жестяной коробочке. На него я и попер. Сам-то он увернулся, но я метил вовсе не в тело. Никак нет. Я пробил и стекло, и жестянку, и все вокруг обдало маслом. Мой клинок тоже. Все лезвие. Малость смахивало на картинку из священных преданий. Боги с пламенными мечами. Но то был просто-напросто я да немного дешевого масла. — Он поднял правую руку, выставив большой палец. — Видите — обжегся.

Маур негромко присвистнул. Узловатый шрам был уродливо-бледным, но боль хозяину шрама, видимо, была нипочем.

— Суть в том, что пацаны Тетки Шипихи увидали огонь и запаниковали. Вообще, мать их, забыли про нас. Ломанулись за водой. Мы завалили и повязали половину из них, до того как те поняли, что происходит. А прочие разбежались. Тамошний сброд опасен, но дай им отпор — только пятки засверкают. Так все и было.

— А что с пожаром? — спросил Гаррет.

— Пока у нас руки дошли до огня, местные уже все потушили. Долгогорье знает — как займется пожар, его уже не остановишь. Во многих домах у них вырыты колодцы. Настоящей опасности не было. Зато каков отвлекающий маневр! В этом половина победы.